

Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80--90-х годов: В 2-х т. Т. 2. Сост. и коммент. С. В. Букчина.-- М.: Худож. лит., 1982.

OCR Бычков М. Н.

I

Трель электрического звонка раздалась в швейцарской. Еще раз, еще и еще.

Иван приподнялся на постели и стал было протирать глаза. Но, не успев проснуться, он вдруг опять повалился на подушку и заснул.

Звонок снова трещит, назойливо, продолжительно.

Иван вскочил, ошупью нашел на столике спички и дрожащей рукой зажег лампочку.

Звонок трещит.

Иван сунул ноги в опорыши, надел свою швейцарскую ливрею, взял лампочку и, поднявшись по ступенькам, отворил дверь из своей конуры на лестницу. Свет лампы, блеснув сквозь зеркальные стекла наружных дверей на улицу, остановил неугомонный звонок.

Ежась от холода, Иван нехотя пошел к дверям, по дороге поставил на стол лампочку и вынул из кармана дверной ключ.

Холодный, сырой ветер, с дождем и снегом, ворвался с улицы, как только Иван отворил дверь, а вслед за ветром ворвался целый поток ругательств.

-- Черти! Лешие! Никогда этих проклятых швейцаров не добудишься! -- ругался вошедший телеграфист, отряхивая с себя толстый слой мокрого снега.

-- Ноги-то обтер бы,-- как-то нехотя сказал Иван, искоса взглянув на грязные следы, оставленные на полу телеграфистом.

-- Еще чего не прикажете ли? Пол не подтереть ли? Лежебоки проклятые! Целый час звонишь -- не дозвонишься; стой тут на ветру да на дожде, пока он нежится изволит,-- продолжал ворчать телеграфист, отирая о полы мокрые руки и доставая из сумки телеграмму.-- Из Царицына, конторе Пфирзига, на, держи, распишись.

Иван молча взял телеграмму и стал искать в столе карандаш.

-- Погонять бы вашего брата по такой погоде, так узнал бы кузькину мать,-- не унимался телеграфист, развалясь на стуле у стола.-- Добрые люди говорят, в эку-то погоду хороший хозяин собаки на улицу не выгонит, а у нас не спрашивают: ночь-полночь, дождь ли, снег ли -- знай, лупи куда велят.

Иван подал ему расписку.

-- Часы-то что ж не выставил? -- сказал телеграфист, взглянув на расписку; вынув из кармана серебряную луковицу, он добавил: -- Пиши, один час восемнадцать минут пополуночи.

Иван написал и выдвинул ящик стола, чтобы бросить в него карандаш. Телеграфист увидел в ящичке папиросы.

-- Дай-ка курнуть,-- обратился он к Ивану таким спокойным, приятельским тоном, как будто и не думал за минуту пред этим ругаться.

Иван нахмурился, однако достал из ящика папиросу. Телеграфист закурил ее от лампочки и затянулся, оставаясь сидеть.

-- Ну, уходи, чего расселся-то,-- сказал Иван.

-- Да дай отдохнуть-то, черт ты этакий,-- опять обозлился телеграфист,-- дай обогреться!

-- А мне стоять да мерзнуть? -- сурово заворчал Иван.-- Проваливай!

-- Не пойду. Что, взял?

-- Убирайся, говорят тебе, не то в шею вытолкаю.

-- Это ты-то? А ну-ка, попробуй! И ражий телеграфист с усмешкой презрительным взглядом смерил с головы до ног долговязого, но худого, чахоточного Ивана. Спор, очевидно, был неравный.

-- Я, смотри, городского позову,-- пригрозил Иван.

-- Городового? Поди-ка, поищи его! Найдешь теперь городского, как же!